

Леги Нуриева

Загорелся зеленый свет, и машины двинулись по Коламбус-серкл. Справа от потока машин на велосипеде катил Юра. За спиной у него была приторочена папка с прекрасными балетными литографиями. Стоял май, и погода была замечательная. Солнце уже припекало, но в каменных джунглях Манхеттена, в тени зеркальных небоскребов еще держалась прохлада. Ветра почти не было, а запах от работы тысяч двигателей практически не ощущался.

Юра не переставал этому удивляться. Окруженный со всех сторон водой Манхеттен потрясал. Конечно, надо признать, что запахи имелись. Острые и пряные ароматы карибской кухни, дымки от пекущихся претцелей, этого витого подобия бубликов, приторно сладкие орешки и кофе в тележках на перекрестках. Большим минусом было желание есть без остановки, неважно что, лишь бы жевать.

Наконец, удушающие сизые ленты, вьющиеся вокруг благовонных палочек, которые продавали негры в ярких африканских шапочках и серых парусиновых балахонах. Обычно они сидели у небольших столиков, заставленных флакончиками масел-духов и пучками лучинок. Эти тлеющие лучинки источали тяжелый приторный запах. Продавцы-негры мутноватыми обкуренными глазами смотрели на проходящих. Юра невольно ускорял шаг, так как дыхание у него сбивалось, и он начинал задыхаться, как будто в легкие вату натолкали. Африка, видимо, как и Восток, была тоже делом тонким.

А вот запаха бензина почти не было. И даже не в ветре дело, хотя обычно Манхеттен продувался насквозь с океана или с Гудзона. Просто машины были чистые. Он уже знал, что каждый год специальная инспекция проверяла выхлопы, да и бензин был без свинца. Вот тебе и мир чистогана, размышлял Юра. Ведь проще изготавливать обычный бензин, хоть и смердит, но дешевле. Ан нет, что-то здесь было не то. Поэтому он уже не удивлялся, видя бегущих вдоль тротуаров людей. А уж когда ветер приносил солоновато-терпкий запах океана, почти такой же, как запах моря в Одессе... Юра закрывал глаза и представлял, как он гуляет в Отраде или поздней осенью на Фонтане. Акаций вот только бы побольше.

Он медленно катил вокруг колонны с Колумбом. У входа в Центральный парк сияли свежей позолотой статуи. Где-то здесь, вспомнил Юра, любимый советским народом обозреватель Зорин снимал за пять долла-

Обучивший тебя... Царь Царей — повторял ли тебе это имя: Ше'ол, Песнь Пёсней поющая.

Мэл'эх, — я Ше'ол, я обитель мертвых! Снова ты позабыл меня, потому что не помнят первых! Но и это уже бывало — чередой подмен попирая... Речи все, все дела — суета...

Навшй, жизнь моя, навшй — душа! Это я, просто я говорю тебе:

— Утомляет жизнь. Что случилось, опять повторится. Наступает время молчать. Шиддà вэшиддòт — как темно мне! Полны твои сундуки, и наложницы твои в ожидании — они были звучащей музыкой, они стали ха-олам ха-зэ — и ты стал ими всеми в итоге — сундуки, и наложницы, и мелодии, и ты сам — хэв'эл хав'эл'им! Но — любил ведь? И — был любим?

Век наш нынешний, век грядущий, что нашел ты в сердце моем? Ха олам, это целая вечность, поцелуй, обернувшийся сыном, — что сокрыл Боже в сердце открытом? Что вложил Боже в сердце твое?

...А злодей — он, счастлив, не будет. Он лишь тень, и исчезнет под вечер, или, если солнце в зените, станет праведным, и — исчезнет! Дуновение любви — хэв'эл хав'эл'им, время всякому делу под небом. И не знаешь, что ждешь, что будет.

Будет погоня за ветром. Если посеешь бурю. Будешь следить за ветром. Будешь себя любить.

Ха-олам ха-бà — грядущее за спиной: время торопить время, время вернется вспять. Время придет говорить.

Посмотри на меня внимательно — я Ше'ол, я обитель мертвых. Бытие душ в Ше'оле призрачно, то ли есть они, то ли нет...

Только — всё суета сует. Говорю — хэв'эл хав'эл'им!

...И ты помнишь, что был любим...

Использованы: переводы с древнееврейского и комментарии Андрея Графова из: "Книга Проповедника" (Экклезиаст). 3:1-8.

кохэлэт — выступающий в собрании;

хэв'эл — дуновение ветра, бессмысленное, ничто;

хэв'эл — суета (в церковнославянском);

хэв'эл хав'эл'им — суета сует; пустое из пустого;

руах — дух, дуновение, ветер;

хахма — мудрость, инструмент познания;

шидда вэшиддот — много наложниц, сундук (с сокровищами), музыкальные инструменты;

олам — век, вечность, мир, вселенная, космос;

ха-олам ха-зэ — век, мир (настоящее время);

ха-олам ха-ба — век, мир (будущее время);

ше'ол — нижний мир; обитель мертвых (не ад);

мэл'эх — царь.

Лид ас нот инто темптэйшен — по верному пути, но не в искушение, (англ.) — *Lead us, not into temptation.*

ров ханыгу, чтобы получить по морде и сообщить всему прогрессивному человечеству о безмерном падении нравов в мире золотого тельца.

Еще один светофор и поворот направо на Бродвей. Через несколько блоков будет Линкольн-центр, а за ним балетный магазин, являющийся целью Юриного вояжа. Бродвей в этом месте не был замусорен и обшарпан, как в районе Канал-стрит и Ист-виллиджа. Не был и роскошно иллюминирован, как на 30-40 улицах. Здесь он был зажиточно ухожен. Множество ресторанчиков и небольших магазинов, да и публика чистая, веселая. Студенты из Колумбийского университета, музыканты из Джульярд-скул, Метрополитен-оперы. Здесь царил некоторая богемность, впрочем, без излишеств Гринич-виллиджа.

Иногда Юра бывал в этом районе. Последние несколько месяцев он подрабатывал на перевозке мебели. Компания называлась "Джерузалем". Привел в нее Юру случайный знакомый, бывший секретарь райкома комсомола из Центральной России, а ныне нелегал. В его довольно успешной карьере все шло хорошо, пока ему не доверили сопровождать делегацию свинок и пастухов в США. Задание было ответственное, так как в капиталистическом угаре представители союза рабочих и колхозников могли разгласить секреты невероятных надоев советской крупно- и мелкорогатой скотины. Посему Миша должен был бдеть их, трудящихся, день и ночь. Но хватило его только на первую ночь. Ошеломленный Нью-Йорком, он вышел погулять и под утро попросил в первом же участке полиции политическое убежище. С тех пор прошло пару лет. Дело его медленно ворочалось в недрах иммиграционной машины, а он работал грузчиком и клеил полумасшедшую американку-троцкистку-маоистку выйти за него замуж.

Мишка стал Юриным Овидием в мире мувинга, т. е. грузоперевозок. Здесь платили наличные, да еще подкидывали чаевые. Жить можно было. Юра не сомневался, что работа эта временная, пока он не возьмет язык. Его английский был пока на весьма и весьма низком уровне. Как говаривала одна знакомая: на запорном уровне. Тужишься, тужишься, стараешься, стараешься сказать что-то, а лезет какое-то говно кусками, слушать противно. Был и еще один фактор, свидетельствующий о временном характере сей работы — возраст. Юра не считал себя старым, но с 20-летними парнями на погрузке соперничать было нелегко. Восстанавливались они стремительно. Пять минут отдыха, стаканчик кофе и вперед. Юру хватало на два-три дня, а потом он выдыхался. Руки начинали болеть так, что невозможно было согнуть даже пальцы. Как когда-то на раскопках в Азии, где он по 8 часов рубил завалы стен из пахсы, сырцовый глины.

Нет, физически он был посильнее этих ребят, но именно стремительное восстановление сил, как он теперь понимал, это свойство молодости. Посему и выходило — надо учить язык и искать иные пути заработка денег.

Тут как раз и наметился новый путь. С удовольствием погрузившись в эмигрантскую жизнь, Юра активно участвовал во встречах, собраниях, презентациях. Выступал как непосредственный очевидец московских событий в августе 1991 года. Ну и конечно, бывал на выставках, которые шли одна за другой. Конец 1992 года был необычайно урожайным на них. Из Одессы и Москвы, Питера и других городов в Нью-Йорк хлынули художники на поиски удачи и славы. Понятно, центр мира. Сотни галерей соперничали в открытии новых имен и представлении уже известных, вплоть до классиков. Мир искусства сулил многое. И почему бы не стать дилером, думал Юра. Сами художники были не прочь иметь бойкого посредника, в чем он убеждался, встречаясь на выставках со знакомыми художниками-одесситами и знакомясь с другими.

Размышляя о возможностях новой стези, в свободное от грузчицкого бытия время он посещал аукционы, набираясь "know how" — самого ценного продукта в мире желтого тельца. Именно на аукционе в Челси Юра наткнулся на человека, деловая встреча с которым ему сейчас предстояла.

В тот раз, глядя на людей, скупающих ящиками всякий, на вид, хлам, он только удивлялся. Как было сообразить, что именно таким образом специалисты выуживали за бесценок шедевры антиквариата. Особенно американского, юного, революционно-гражданского. Да ведь и естественно, в Америке американский антиквариат, в России же самый большой спрос на русский.

У входа в зал аукциона стоял человек в замечательном горчичного цвета костюме и берете и любовно оглаживал статуэтку балерины. Дома у Юры была балеринка Ломоносовского завода, и он подумал: а не предложить ли этому...

— Извините, вы коллекционер? — спросил он.

Берет повернулся. Это был человек лет шестидесяти с розово-юным лицом, довольно характерным у мужчин-американцев.

— Нет, — ответил он, — но у меня магазин "Балет", и вот, пожалуйста, фигурка Павловой, большая редкость.

Они познакомились. Норман дал Юре визитку с игривыми розочками и заверил, что будет с нетерпением ждать Юриных балерин. И чтобы не тянул, нес быстрее. У него, Нормана, сейчас много клиентов. Уже дома Юра рассмотрел адрес. Ого, в Трамп-тауэре, на 5-й авеню. Один из самых роскошных билдингов в Нью-Йорке.

На следующий день, тщательно упаковав балерину, а в придачу к ней украинца с украинкой, танцующих не то гопак, не то трепак, а может, и вообще краковяк, он отправился к Норману. В качестве секретного оружия был взят альбом литографий любимого одесситами метра Шенкера. Отпечатанные в Италии на специальной бумаге сцены из знаменитых балетов поражали воображение. Метр, имевший дюжины полторы этих альбомов, любезно предоставил Юре возможность подзаработать. В созданных по наброскам с натуры литографиях легко узнавались Плисецкая и Барышников, Нуриев и Колпакова. Норман должен был просто умереть от восторга.

Трамп-тауэр был великолепен, неотразим, блестящ и т. д. и т. п. Какие нужны эпитеты, чтобы передать чувства, возникающие уже у входа в 50-60-этажное здание? Огромные позолоченные двери-вертушки, швейцары в маршальских мундирах, холл высотой с десятиэтажный дом, выложенный полированным мрамором всех мыслимых и немыслимых цветов. Водопады, обрушивающиеся вниз по яшмовой стене меж гирлянд тропических растений. Эскалаторы, спешащие все вверх и вверх мимо цветов и водопадов, мимо роскошных магазинов в зимний сад на крыше здания. Здесь, за чашкой кофе или бутылкой пива, обалдевший посетитель релаксировал между визитами в десятки галерей и бутиков.

Юра уже бывал здесь, но каждый раз замирал в восхищении от этого фейерверка архитектуры и дизайна. Потому сейчас он, с деловым видом обходя туристов, двинулся на шестой этаж в галерею Нормана. Сойдя с эскалатора, он сразу обратил внимание на большую витрину с матрешками: от классических до современных в виде Горбачева, Ельцина и Буша. Палехские шкатулки всех размеров и фасонов, среди которых было много старых работ экстра-класса. Он было собрался рассмотреть их как следует, но тут из-за прилавка высунулся Норман.

— Здафтфуйте, — напрягшись, изрек он и широко улыбнулся.

Теперь уже пришлось напрягаться Юре. С таким же, наверное, акцентом, но по-английски, он повел беседу. Пока разворачивались фигурки, Норман аж подпрыгивал от нетерпения. Но вот балерина и украинцы были выставлены на прилавок. Норман брал их по очереди, смотрел клейма, ставил, опять брал. Юра, слегка напрягшись, молча ожидал вердикта.

Наконец Норман успокоился. Настало время сказать цену. Он взял балерину и спросил:

— Кто это?

— Балерина, конечно.

— Нет, ты не понял, кто изображен, как ее зовут?

Вот те и на, подумал Юра. Сказать ему "Уланова", — а вдруг он ее портрет видел? То есть, наверняка видел. Пришлось сосредоточиться. Кто бы это мог быть? А что, если кто-то из предвоенных? Маловероятно, что Норман знает. Но кто?

— Гельцер, — уверенно сказал Юра.

— Как, как? — переспросил Норман.

Юра повторил и пояснил, это из предвоенных. Норман наморщил лоб, задумался на несколько секунд, а потом сказал:

— Да, пожалуй, она, это ведь еще из вагановских учениц?

Тут уже задумался Юра. Гельцер вынырнула в его мозгу непонятно откуда. Наверное, в детстве где-то читал про нее. Но сомневаться не приходилось.

— Она танцевала в 20-40-е годы, — подтвердил он.

— Замечательно, — обрадовался Норман, — ну а это кто? — он взял в руки танцующих украинцев.

— Это из "Запорожца за Дунаем" Лысенко, — ни секунды не промедлив, выпалил Юра. Правда, перевод пришлось повторить дважды.

— А это разве балет? — спросил Норман.

— Это опера, но там балетная труппа Украинского государственного театра оперы и балета. Кто конкретно исполняет, боюсь ошибиться, — ему уже хватило Гельцер, но с другой стороны надо было что-то подкинуть, — возможно, Кривонос, — сказал Юра.

— Ты думаешь? — опять наморщился Норман. — Но Кривонос не такой массивный.

Мать твою, мысленно вскричал Юра, мало этой буржуйской гадине нашей великой Гельцер, мало ему фольклорных танцев украинского театра оперы та балету, оказывается, он знает этого Кривоноса, которого Юра только что высосал из пальца левой задней ноги.

— И все-таки я думаю, что это Кривонос, — настоял на своем Юра.

— Ну, может и он, тебе виднее, — согласился Норман и спросил: — Сколько?

Юра облегченно вздохнул и мужественно произнес:

— Тебе виднее, ты эксперт.

Норман тоже грустно вздохнул, так как доверие, выказанное Юрой, исключало, с одной стороны, торг, а с другой требовало назвать реальную цену. Поэтому он молча отсчитал восемьдесят пять долларов:

— \$50 за Гельцер и \$35 за Кривоноса, ОК?

— ОК, — милостиво согласился Юра и небрежно сунул деньги в карман. Душа его ликовала. За эту сумму он должен был тягать диваны и шкафы на шестой этаж целый день.

Норман убрал фигурки, а потом вытащил горячий кофейник и две чашки. Еще он выставил большую жестяную коробку в розовых сердечках и ангелочках. В ней оказалось печенье разной формы и цвета. Они пили кофе, а Юра размышлял, как лучше преподнести литографии Норману. Тот говорил без остановки и, видимо, что-то важное, так как раскраснелся и даже начал размахивать руками. Юра потерял нить его рассказа почти сразу и теперь только кивал головой, чуть склоняя ее то влево, то вправо с интервалом 30 секунд, негромко вставляя английское — sure, дескать, да, уверен, ты прав, Норман. Тут его взгляд опять скользнул по коробке с печеньем. На ней были те же сердечки и розочки, что на визитке.

— Кстати, Норман, ты говорил, у тебя балетный магазин, — сказал Юра.

— Да-да, но не здесь, а возле Метрополитен-опера, там весь штафф.

Юра уже знал, что слово это обозначает почти все. И людей, и вещи. Ага, вот и повод. Норман встал, чтобы долить кофе, а Юра вытащил из пакета литографии. На первой была сцена то ли из "Лебединого озера", то ли из Сен-Санса, с узнаваемой Плисецкой.

— Oh my God, — запричитал Норман, — фантастика, потрясающе, гениально, — и еще что-то непонятное, но явно в превосходных степенях.

Юра облегченно вздохнул и стал выкладывать следующие. Дальше тишина... — так, кажется, писалось где-то. И сложилось все замечательно. Норман изъявил желание взять как минимум десяток альбомов. Может, и больше, но он должен посоветоваться со своим менеджером. Нет, он не здесь, а в собственно балетном магазине. Он очень хороший и э-э-э... ну, близкий друг, без него Норман не принимает решения. Он посмотрел на Юру, чуть зардевшись.

Вот оно в чем дело. Норман-то голубчик, оказывается. То-то все у него в сердечках да розочках. Ну, да Юру это не касается. Лишь бы купил, да поболее. Надо, кстати, узнать у метра, сколько всего альбомов есть. Впрочем, и на десяти он тоже неплохо зарабатывает. Никак не меньше двух, а может и трех месячных зарплат на погрузке. Они допили кофе, и Юра ушел. Холл Трамп-тауэра сиял еще ослепительнее. Настроение было замечательное. Он даже не ожидал, что все будет так легко и удачно. Швейцар в форме как минимум генералиссимуса крутнул перед ним вертушку двери.

На Пятой авеню туристы шли стеной. Не хватало только флагов и ло-

зунгов про "мир, труд, май, июнь, июль и т. д." Душа напевала в фа-мажоре: завтра-завтра-завтра, завтра-завтра-завтра. Хотелось подпрыгнуть и поскакать на одной ноге. Замечательно все-таки быть артдилером. Юра уже знал это слово. Недаром говорится, что искусство принадлежит народу. А тот, кто его приносит, тот и получает за это. А какой прекрасный заработок. Можно будет наконец забыть про карьеру грузчика. Да, надо позвонить и отменить свою послезавтрашнюю работу. Слава Богу, руки перестанут болеть. Надо будет связаться с Люсиком, Зомбом, А может, и Горбачев согласится. Такие мысли крутились у Юры в голове, и небо-скребы почтительно склоняли свои зеркальные макушки.

Это все было вчера, а сегодня он ехал с альбомом на встречу с Норманом и его э-э-э... другом. Было тепло, но не душно. Юра не спешил, его спортивный "панасоник" с двадцатью четырьмя скоростями позволял ехать гораздо быстрее, но не приезжать же взмыленным как лошадь. Бродвей после Коламбус-серкл стал двухсторонним с клумбами и деревьями посередине. Слева оказался Линкольн-центр. Сразу за ним должен быть магазин "Балет". Ага, вот и неоновый пуант, который поддерживают ангелочки с розочками, конечно.

Юра приковал велосипед к дереву, пропустив стальной тросик сквозь оба колеса и седло. Не углядишь, сопрут или обглодают так, что акулы позавидуют. Останется одна рама. Подергал замок и пошел к двери магазина. У входа он наткнулся на телефон-автомат и уже было собрался позвонить насчет отмены своей работы, да жаба задавила. Чего, спрашивается, тратить квотер, когда он сможет позвонить бесплатно из магазина. Копейка, как известно, доллар бережет.

Витрина была заставлена фотографиями с подписями, мелкими причиндалами балерин и танцоров, разложенными в художественном беспорядке. Посмотреть было на что. Практически все некогда принадлежало знаменитостям, хотя многие имена были совершенно не знакомыми. Ну, да Юра и не претендовал. В журнале "Балет" или "Культурная жизнь", на крайний случай, он не работал вот уже лет пятьдесят. Хотя, в прошлой жизни — кто его знает? Приглашали же его в детстве в балетный кружок при ДК им. С.М. Кирова. Во всяком случае, он не обольщался на предмет своих познаний в этой сфере прекрасного.

Перед тем как открыть дверь, он окинул взглядом свое отражение. Ничего, вполне в духе этого демократического уголка большого Нью-Йорка. Смахивал то ли на средних лет профессора, то ли на врача или адвоката на отдыхе. Юра был в черной рубашке с короткими рукавами и новых

шортах цвета хаки, купленных по случаю грандиозной распродажи в дорогом магазине. Хорошие почти новые кроссовки. Этакий неопределенно-спортивный городской тип. Он уже уяснил себе нравы нью-йоркцев и вообще американцев: вещи не должны быть новыми, они должны быть чистыми и свежими. Очень. И конечно, никаких запахов. Кроме слабого намека на хорошие духи.

Дверь открылась с легким музыкальным звоном, шедшим от связки трубок и колокольчиков над входом. Внутри магазин был забит до отказа всякой балетной и музыкальной всячиной. Автографы, письма, балетные пачки, пуанты и литература и пр., и пр. Фактически это был своеобразный музей, в котором посетитель мог не только рассмотреть, но и купить понравившуюся вещь. Взгляд Юры скользнул по полкам, и он увидел свои статуэтки. Без ценников, но в компании очень дорогих соседей — вешера и перчаток Улановой. Стены тоже были завешены, но если кое-что сдвинуть, скажем, тот портрет в углу, то пару литографий можно будет всунуть, подумал он.

На звон колокольчиков из подсобки выглянул Норман.

— О, Евджений, — обрадовался он, — а мы ждем тебя.

Сегодня Норман был в кремовых брюках и светло-голубой рубашке тонкого трикотажа. На шее у него был бледно-лиловый скромный платочек. Довольно потирая кисти рук, он подошел к Юре и взял альбом:

— Сейчас мы покажем это Хосе и решим, сколько штук мы будем брать.

Сердце у Юры слегка участило ритм. Пожалуй, только сейчас до него дошел глубинный смысл знаменитого выражения дедушки Крылова: "От радости в зобу дыханье сперло". Вот оно, мгновенье большого бизнеса. Он помог Норману вытащить литографии из папки. В окружении черного и белого фотографий, автографов, перчаток и пр. картины выделялись таким яркими живыми пятнами, что магазин преобразился. Юра заранее разложил их так, чтобы первыми шли узнаваемые Плисецкая, Барышников, Нуриев.

— Хо-се-е, — пропел Норман, — взгляни, пожалуйста.

Из-за двери, точно из кулисы, ожидавший своего выхода появился Хосе. Он оказался белым латинос, среднего роста с немного совиными глазами на широком лице и слегка вьющимися черными прилизанными волосами. На нем была свободная шелковая рубашка нежно-персикового цвета и черные брюки, плотно облегающие слегка отставленный зад. Выглядел друг Хосе точно как э-э-э... завсегдатай ресторана "Голубой дра-

кон" в Гринич-виллидже. Он нежным взглядом обласкал Нормана, и тот растаял. Потом он с любопытством оглядел Юру и, надо же, изобразил на лице пантомиму в духе замечательной Людмилы Гурченко.

Юра слегка обалдел, но с другой стороны, что такого: в столице мира чего не увидишь. Поэтому он улыбнулся Хосе и радостно, что очень важно при знакомстве с американцем, произнес:

— Рад, очень рад вас видеть, Хосе.

Тот слегка прикрыл глаза, а потом широко открыл, опять точно как Гурченко. Норман, несколько озабоченный его мимикой, предложил посмотреть литографии. Юра радостно согласился, так как Норман избавлял его от кокетничавшего Хосе. Да иди знай, не так моргнешь, гляди и обиделся друг Хосе, а ведь решающее слово за ним.

Первая же литография с Плисецкой-лебедью в серо-голубых пастельных тонах вызвала бурю восторга.

— О, Майя: прелесть, волшебница, — и еще десяток восторженных эпитетов, при этом Хосе легким движением чуть прогнутой кисти дотронулся до бумаги, — о, я знаю Майю, — он стрельнул в Юру глазами.

Норман подтвердил, да, он знает Майю. Хосе протянул руку к полке и взял небольшой альбом. Не листая, он открыл его... и точно: Плисецкая и он, Хосе, сидят на диване перед маленьким столиком с кофе.

Следующая литография была то ли с Колпаковой, то ли еще с кем, но тоже была принята милостиво. Дело было на мази. Точно возьмут, успокоился Юра. Вот только есть ли у метра достаточное количество? Последовали еще две картины. На одной в невероятном баллоне летел узнаваемый Барышников, на другой — менее знакомый Юре Нуриев.

— О, Миша, — Хосе ворковал, как голубь, — я знаю Мишу.

Опять был открыт альбом — Хосе и Барышников в Опере. Норман горделиво улыбнулся и пододвинул Нуриева.

— О, Рудольф, — Хосе даже подпрыгнул. — О, Нуриев, я знаю Рудольфа очень хорошо, — при этом он чуть склонил голову к плечу и даже задвигал задом слегка.

Мать твою, подумал Юра, да никак он любовник Нуриева, бывший, понятно. Норман грустно кивнул, да, увы, Хосе знает Нуриева, да, увы, очень хорошо. Юра изобразил понятливое выражение и сочувственно кивнул. Душа его ликовала — возьмет, точно возьмет. Как удачно, что здесь Нуриев.

Хосе тем временем любовно вертел литографию. Он приближал ее к лицу, отодвигал, опять придвигал. Как теперь принято говорить — тор-

чал, в натуре. Желая несколько ускорить затянувшийся процесс, Юра, изящно согнув руку в локте, не так, конечно, изящно, как Хосе, спросил:

— Так что, Норман, сколько альбомов вы возьмете?

Тот, ласкающим взглядов смотревший на Хосе, открыл было рот для ответа, но в этот момент друг Нуриева спросил с надрывом в голосе:

— А почему у Рудольфа Мишины бедра?

— Что, что? — не понял Юра.

— Бедра Барышникова у Нуриева, да, да, я знаю бедра Нуриева.

Норман совсем загрузил, но кивнул: да, этот знает бедра Рудольфа. Юра собрался было объяснить, что перед ними не портреты, что все нарисовано по эскизам и наброскам обобщенно. Что сами картины давно распроданы в Италии не как портреты. Да и вообще, чепуха все это. Но английский язык Юры был хоть и лучше, чем русский Хосе, тем не менее, не настолько, чтобы вступать в анатомо-сексуально-искусствоведческую полемику. Да и не дошло до этого. Хосе взял литографию с Барышниковым и плачущим голосом сообщил, что у Миши бедра Нуриева. Это ужасно, ужасно. Он покачивал головой, глаза его подозрительно влажнели. Норман подавленно молчал, укоризненно глядя на Юру. Хосе опять открыл альбом и показал: он и Нуриев перед магазином, обнявшись за плечи:

— Вот бедра Нуриева, — грустно и гордо пояснил он, — а здесь все неправильно.

Он положил литографию, повернулся и удалился в подсобку. Голова его была опущена, а руки свисали, как неживые.

Юра с удивлением ощутил неловкость за свое недостойное поведение, как будто именно он по ошибке трансплантировал не те бедра великим танцовщикам. Норман молча складывал альбом, и, когда Юра попытался прояснить ситуацию, лишь замотал головой: нет, нет, не сегодня, звони позже, недели через две.

Альбом был сложен и вручен Юре. Норман ушел утешать своего бедного Хосе, а Юра покинул магазин. Да-а-а, номер, вот она, партия Хосе, спел, гадюка, кто бы мог подумать. Но какие высокие отношения. Так, кажется, говорят. Мысли у Юры порхали, точно великие танцовщики и балерины. Он никак не мог сообразить, что делать в этой ситуации. Постоял, снял замок с велосипеда и оглянулся по сторонам. Куда ехать? Взгляд его упал на телефон-автомат. Надо позвонить в грузовую компанию и отказаться... нет, нет, нет. Ни в коем случае. Слава Богу, что не позвонил до встречи, т. е. завтра он заработает свои 75-80 долларов. Это, конечно, не 2500, как за литографии, но если учесть сэкономленные 25 центов за телефон, тоже будет неплохо...

ПОЭЗИЯ

Рита БАЛЬМИНА	
Ночь на Бродвее	120
Олег ШКОЛЬНИК	
Сцена — вот эшафот любви	127
Игорь ПОТОЦКИЙ	
Стихи Николаю Дронникову в Париж	132
Ефим ЯРОШЕВСКИЙ	
Падают в землю каштаны... ..	135
Елена ИЛЮШИНА	
Видишь, я вовсе не плачу... ..	140
Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК	
Я снова доверяю случаю... ..	142
Владимир ЕФИМЕНКО	
То и се	145
Александр МАРДАНЬ	
Объявление на столбе	148
